

ГЛАВА 1

Вечерело. Где-то на севере собиралась гроза, там набухали зловещие лиловые тучи, громыхал гром, над горизонтом то и дело возникали короткие вспышки молний.

«Словно там артподготовка уже началась», — подумал капитан Шубин, глянув на небо.

Он, как всегда в это время, обходил расположение своей разведроты, смотрел, везде ли порядок, чем заняты бойцы. Непрерывная, не оставляющая ни минуты передышки лихорадка боя — тяжелая, изматывающая вещь. Хочется, чтобы она поскорее закончилась, хочется отдохнуть. Отдыха от изматывающей лихорадки боев с одинаковой силой хотят и рядовые, и офицеры. Особенно если дело происходит весной или летом, когда можно выбраться из землянки на свежий воздух, растянуться на траве... Красота!

Но и длительный отдых, безделье, когда у бойцов нет боевых задач, вот как сейчас, например, — вещь тоже вредная. В этом случае командир должен следить, чтобы у солдат было дело, чтобы они весь день были заняты. Иначе неминуемое падение дисциплины. Солдат всегда должен быть занят, всегда должен овладевать боевыми навыками. Вот Шубин и составлял расписание занятий для каждого взвода, следил, как это расписание выполняется. Он знал, что такое воинская дисциплина, и всегда умел ее поддерживать.

Глеб Шубин лишь месяц назад получил новое звание и теперь носил на погонах четыре звездочки и командовал уже не взводом, а ротой. И подчинялся он теперь не командиру полка, а непосредственно командиру дивизии, поскольку рота его была звеном дивизионной разведки. Рота была частью дивизии, а 251-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Басан Бадьминович Городовиков, — частью 20-й армии, во главе которой стоял генерал-лейтенант М. А. Рейтер. Армия уже три недели стояла на холмистой, пересеченной местности на правом берегу реки Держи. Стояла так прочно, словно навеки тут решила расположиться. Бойцы успели отрыть окопы полного профиля, блиндажи офицерам, а себе — такие хорошо оборудованные землянки, что в них

и зимовать можно было. Но ведь они не собирались здесь зимовать, верно? В частях ходили упорные разговоры о скором наступлении. Передавали слухи о прибытии подкреплений, в том числе большого количества танков, а также легендарных «катюш».

Так Шубин раздумывал, направляясь к своему блиндажу, когда его нагнал вестовой.

— Товарищ капитан, вас срочно командир дивизии требует! — сообщил он.

— Понял, иду, — ответил Шубин и, сменив направление движения, направился в сторону деревни Ручьи, где расположился штаб дивизии. «Вот, кажется, и дело, которое я ждал», — подумал он.

Командир дивизии занимал неприметную избу в стороне от центра деревни. Правда, хорошие, крепкие избы в деревне Ручьи и не сохранились — все были разрушены в ходе прошлогодних и этого года боев, когда немцы сначала рвались к Волоколамску и дальше, к Москве, — а потом мы гнали их обратно.

Часовой у входа взгляделся в Шубина и кивнул ему — входи, мол. Шубин толкнул дверь и вошел в избу.

У стола в комнате сидели два человека. И не надо было долго размышлять, чтобы понять, кто из них главный, кто командир дивизии. Полковник Басан Городовиков, командир

251-й Витебской стрелковой дивизии, был личностью весьма колоритной. Крещеный калмык, родившийся на Дону, в области Войска Донского, он на всю жизнь сохранил казацкие навыки: отлично держался в седле, владел шашкой и носил длинные усы устрашающего вида. Басан Бадьминович служил в армии всю жизнь, с мальчишеских лет, и знал воинское дело, как казак знает собственное хозяйство, которое сам создал.

И что характерно, служил Городовиков под началом командующего 20-й армией генерал-лейтенанта Макса Рейтера — единственного латыша в Красной армии, достигшего такой высокой должности. Рейтер был такой же прирожденный военный, как и Городовиков. Вот такие были у Шубина теперь командиры.

Вторым человеком, находившимся в комнате, был начальник штаба дивизии полковник Борис Викентьевич Белецкий. Сын царского генерала, человек трудной судьбы, он так же отлично разбирался в военном деле. Но он сам признавал, что в умении командовать войсками он уступает Городовикову.

Войдя в комнату, Шубин доложил:

— Командир разведроты капитан Шубин по вашему приказанию прибыл!

Два полковника обернулись к нему. Городовиков слегка пошевелил своими устрашающими

усами, кивнул и произнес своим гулким командирским голосом:

— Хорошо. Проходи, капитан, садись вот тут рядом со мной. Отсюда тебе всю диспозицию будет видно.

Шубин шагнул к столу, сел рядом с командиром дивизии. Лежавшая на столе карта-километровка была в нескольких местах расчерчена красными и синими линиями, и в нескольких местах на ней стояли флажки таких же цветов.

— Вот, гляди, Шубин, — заговорил командир дивизии. — Вот расположение нашей дивизии. Вот деревня Ручьи, где мы сейчас находимся, вот один полк, второй, третий... А вот где мы должны быть в результате наступления. — И полковник указал на красные флажки, торчащие далеко к западу от места расположения дивизии.

— Командование поставило задачу, — продолжал Городовилов, — прорвать немецкий фронт, выбить противника из главного узла его обороны — поселка Погорелое Городище — и гнать его на запад до самого Ржева. А затем освободить и сам Ржев, и расположенную южнее деревню Сычевка и таким образом ликвидировать этот проклятый Ржевский выступ. Задача, как ты видишь, сложная, и выполнить ее будет непросто. Впереди — река Держа, которую надо не просто форсировать, а переправить через нее танки, артиллерию и другую технику.

— А между тем берега Держи, как мы знаем, заболоченные, танки могут завязнуть еще на подходе к переправе, — добавил полковник Белецкий.

— Да, тут кругом ручьи, болота — недаром и название у деревни такое, — снова заговорил Городовиков. — И мы должны здесь не просто переправиться — а сделать это под ураганным огнем противника! Потому что немцы будут сопротивляться изо всех сил, в этом я не сомневаюсь. Поэтому нам будет нужно иметь в своем распоряжении все, что может плавать и нести на себе бойцов: плоты, лодки, понтоны... Но в первую очередь мне нужна информация о противнике. Понимаешь, Шубин? У нас крайне мало информации. Я знаю только, что нам противостоят части немецкой 9-й армии. Что за части? Какое у них вооружение? Где находятся узлы обороны? Где опорные пункты? Где минные поля? И как их преодолеть? Особенно меня интересует район поселка Погорелое Городище. В этой местности я хочу иметь сведения о каждом доме! Понял задачу?

— Понял, товарищ полковник, — ответил Шубин. — Надо разведать удобные броды через Держу, а также пути преодоления обороны противника. Задача решаемая, сделаем. Сколько у меня времени?

— Сегодня у нас 28-е, — сказал командир дивизии. — Через два дня, самое большее через три, я должен иметь необходимые сведения. То есть 31 июля ты должен стоять здесь и докладывать о результатах своей разведки.

— Теперь вопросов нет, — сказал Шубин. — Разрешите выполнять?

— Можешь взять столько людей, сколько считаешь нужным, — добавил Городовиков. — Бери хоть всю роту, а можешь и один идти — как тебе удобнее. Не мне тебя учить, ты сам ученый. Все, иди, выполняй.

Шубин покинул штаб полка почти бегом. На ходу он оценивал масштаб задачи и прикидывал, кого взять на ее выполнение. У него в подчинении было три взвода. Двумя взводами командовали офицеры, лейтенанты Струмилин и Ярыгин, третьим — сержант Игорь Воробьев. Шубин уже некоторое время назад пришел к выводу, что лучшим командиром является как раз сержант Воробьев, как человек более толковый и опытный в военном деле. Два лейтенанта, только что окончившие ускоренные офицерские курсы, необходимого командного опыта еще не имели. Поэтому в данный момент у Шубина не возникло сомнений, кого взять с собой на выполнение трудного и опасного задания. Конечно же, Воробьева и его взвод. «А лейтенанты

пусть пока наберутся опыта, — подумал он. — Потом и их время придет».

Поэтому, подойдя к расположению роты, Шубин сразу свернул в сторону, где располагался третий взвод, и заглянул в землянку, в которой обитал сержант Воробьев.

— Игорь, давай быстро ко мне, разговор есть, — сказал он.

Войдя к себе в блиндаж, он сел на скамью к столу, сержанту кивнул на другую скамью — садись, мол, не стой, разговор будет долгий, — и достал из планшета карту.

Карта у Глеба Шубина была вроде такая же, как у полковника Городовикова — обычная километровка. Но отличалась она тем, что вся была разрезана на небольшие куски, размером 5х10 сантиметров. Такой кусок был удобен тем, что его легко можно было засунуть в карман или даже в рукав, а то и в сапог. Шубин еще в прошлом году, во время боев за Смоленск, придумал хранить карту во время рейдов в немецкий тыл разрезанной, и с тех пор всегда так поступал.

— Значит, так, Игорь, слушай меня внимательно, — сказал он. — Комдив поставил перед нами серьезную задачу. Мы должны разведать расположение противника, собрать все какие только возможно сведения о самом противнике, а также о его обороне. Надо побывать вот здесь, в поселке Погорелое Городище, и здесь, в на-

правлении Сычевки, и вот сюда заглянуть, в сторону Ржева. Необходимо найти на Держе удобные броды, а за рекой — проходы через минные поля. Узнать, где у немцев узлы обороны, где командные пункты, где стоят резервы. Короче, собрать кучу информации. И все — за два дня. Я решил, что выполнять задание командования буду вместе с твоим взводом.

— Что, весь взвод пойдет? — спросил Воробьев.

— Не весь, — ответил Шубин. — Кроме нас с тобой, пойдут еще четверо. У тебя ведь есть один хороший сапер — Пастухов, кажется?

— Да, Женька Пастухов — первоклассный сапер, — согласился сержант. — Он мины под землей прямо нюхом чует. А пальцы у него словно у музыканта, может взрыватель вынуть, и взрыва не будет. Но и Костя Погорелов тоже сапер хороший. Так что у меня два таких специалиста.

— Ну вот, бери Пастухова и Погорелова, — кивнул Шубин. — И еще двоих, самых ловких, сообразительных, кто везде пролезет и кто маскироваться умеет. Потому что, я чувствую, нам там придется у немцев прямо под носом проползать. Территория тут, как ты видишь, небольшая, и вся она напичкана вражескими частями. Значит, нас всего будет шесть человек. Я думаю взять малую плоскодонку, я ее в вашем расположении видел.

— Все верно, Серега Бесчастный эту лодку тут неподалеку заметил и решил сюда к нам подогнать, — сказал сержант. — Только, товарищ капитан, насчет идеи с лодкой я сомневаюсь. Немцы за рекой очень плотно следят, каждый метр просматривают. Лодку обязательно заметят.

— И как же ты думаешь перебраться? Вплавь, что ли? А боекомплект? Нет, вплавь не получится.

— Зачем вплавь? В полукилометре выше по течению я обнаружил заводь. Там везде мелко, чуть выше пояса. Можно вброд перейти и боекомплект перенести. Я уже брод проверил — перешел на тот берег и осмотрел местность. Кусты там густые, непролазные. Видно, что немцы в этих местах не бывали. А что непролазные, не страшно — мы с вами везде пролезем, верно?

— Молодец, что нашел такое место, — одобрил Шубин. — Что ж, принимаю твой план. Значит, говоришь, уже и на той стороне успел побывать? Значит, вдвойне молодец. А может, ты и другие места на Держе можешь указать, где наши части могут переправиться?

— Могу и другие указать, — кивнул Воробьев. — Еще немного выше, метрах в ста, есть узкое место. Его вброд не перейдешь, глубина большая, и течение сильное. Зато река там шириной не больше четырех метров, ручей, а не река. В этом месте нашим саперам будет легко

мост навести. Даже несколько мостов можно рядом устроить.

— Ну-ка, покажи мне эти места на карте, — потребовал Шубин. — И там, где сегодня будем вброд переходить, и где мост можно навести.

Сержант не очень уверенно повел пальцем по карте, наконец нашел одно нужное место, потом второе, показал. Его неуверенность не укрылась от глаз капитана.

— Плохо карту знаешь, Воробьев, — упрекнул он. — Учиться тебе нужно. Вот вернемся из разведки, буду тебя учить. Разведчик обязан уметь карту читать. Тут никаких гаданий не должно быть. Ладно, сейчас не время об этом говорить. Значит, так. Ступай к себе, поставь перед бойцами задачу. Пятерых, что останутся здесь, передашь временно лейтенанту Струмилину. А впятером собирайтесь. Возьмите по четыре боекомплекта, по четыре гранаты и паек на два дня. Через полчаса жду вас у этой точки.

И Шубин указал на карту, где он уже успел нанести значок «Брод».

— Смотри, Воробьев, не опоздай, — сказал он на прощание. — Я не девушка, опозданий прощать не буду! Да, и вот еще что. Лодку мы, пожалуй, все же возьмем с собой. Плыть мы в ней не будем, но можно положить в нее боекомплект. Ну, и потом она может пригодиться. Так что лодку ты, сержант, прихвати.

В тридцати километрах от того места, где капитан Шубин ставил задачу своему сержанту, в хорошо сохранившемся каменном доме в центре города Зубцов, также проходило совещание в узком кругу. Командующий 46-м танковым корпусом 9-й армии вермахта генерал Генрих фон Верхафен вызвал своего начальника корпусной разведки капитана Ганса Книппера, чтобы обсудить с ним сложившуюся в прифронтовой полосе обстановку. Генерал фон Верхафен высоко ценил своего начальника разведки, а потому встречал его в соответствующей обстановке. На столе стояла запыленная бутылка с этикеткой на французском языке, а рядом — тарелка с лежавшей на ней порезанной бельгийской колбасой и французским сыром.

— Ну, Ганс, позвольте старику за вами поухаживать, — сказал генерал, наливая в бокалы темно-коричневый напиток. — Вот, позвольте вам предложить: первоклассный французский коньяк двадцатилетней выдержки. Мне недавно прислал мой друг, который командует корпусом на Атлантическом валу. Закуска тоже неплохая, французская и бельгийская...

— Вы меня балуете, мой генерал, — ответил Книппер, принимая бокал. — Право слово, я не стою такого вашего внимания.

— Как это «не стоите»? — возмутился фон Верхафен. — Где, в каком корпусе так постав-

лена служба разведки и контрразведки, как в моем? Я всегда имею достоверные сведения о противнике, мне не приходится сражаться вслепую. И это буквально с первого дня восточной кампании! Вы настоящий мастер своего дела, Ганс! Итак, выпьем. Выпьем, а уже потом поговорим о делах. Выпьем за нашу победу, хотя сейчас она кажется более далекой, чем год назад.

Ганс Книппер молча склонил коротко стриженную белобрысую голову в знак согласия и пригубил драгоценный коньяк. Он оценил степень независимости своего шефа, который не начал выпивку с обязательного первого тоста «за фюрера». Ни один солдат в немецкой армии не отказался бы выпить за победу. Но далеко не все были готовы с восторгом произносить имя «вождя германской нации» и тем более умирать за него. Тем более не был готов умирать за фюрера Ганс Книппер. В гражданской жизни, до призыва на военную службу, он преподавал математику в университете Тюбингена. Загадки теории множеств привлекали его куда сильнее, чем идеи расового превосходства. Перед ним дважды открывалась возможность перевестись из армии в войска СС, и оба раза он уклонился от этой чести.

— Ну а теперь о деле, — сказал генерал, сразу сделавшись предельно серьезным. — У меня

на столе лежат данные авиационной разведки. Они свидетельствуют, что русские сосредоточили на противоположном берегу реки значительные силы. Большие силы пехоты, а главное — там сконцентрированы десятки танков. Может быть, даже сотни — точное число выяснить не удалось. Все это говорит о том, что русские готовятся нанести удар. Но куда будет нацелен этот удар? Какова цель русских? Пойдут ли они сюда, на Ржев, или направятся южнее, на Карманово и Сычевку, чтобы срезать весь наш выступ, окружить всю 9-ю армию? Вот что я хотел бы знать.

— К сожалению, мой генерал, я не смогу ответить на все ваши вопросы, — ответил капитан. — Но кое-что я могу прояснить. Мои парни несколько раз плавали на тот берег реки. Им удалось выяснить, что русские собирают все плавсредства, какие могут найти: лодки, плоты, катера. Они готовят наступление. И мы даже смогли узнать, какими силами будет вестись наступление и какова его цель. Более того, мы даже знаем точную дату начала наступления русских!

— Говорите же скорее! — воскликнул фон Верхафен.

— Русские готовят наступление силами двух фронтов, — начал излагать диспозицию Ганс Книппер. — С севера на Ржев будет наступать Калининский фронт. Наступление намечено на

31 июля. А спустя два дня с восточного направления двинется Западный фронт. Его цель — поселок Погорелое Городище, который защищает наша 161-я дивизия. В распоряжении каждого фронта — большое количество орудий, а главное — русские впервые сумели собрать такое большое количество танков. У каждого фронта их примерно по две сотни.

— Да, это большие силы, очень большие, — заметил генерал. — Вы демонстрируете просто прекрасный уровень осведомленности. Еще что-нибудь?

— Пока, к сожалению, больше ничего существенного, — скромно ответил Книппер. — Но я каждую ночь жду гостей с противоположного берега Держи. Я имею в виду русских разведчиков. Они обязательно должны попытаться проникнуть в наш тыл, провести глубокую разведку. Такая попытка обязательно последует, причем в самое ближайшее время — возможно, сегодня же ночью. Я жду этой ночью русскую лодку, так называемую плоскодонку. Я уже видел эту лодку на восточном берегу и точно знаю, в каком месте русские попробуют преодолеть реку. Я собираюсь их встретить, проследить за их действиями и таким образом кое-что узнать. Возможно, кого-то из этих «гостей» удастся захватить. Постараемся, чтобы он заговорил. Нет, я не собираюсь подвешивать его

над огнем или пытаться током — ведь я не служу в гестапо. И без таких диких методов можно многое узнать от человека, если правильно ставить вопросы. К тому же, как вы знаете, господин генерал, я говорю по-русски, мне не нужен переводчик. Таким образом, я уверен, что завтра или послезавтра я смогу ответить на интересующие вас вопросы, господин генерал. Смогу назвать русские части, которые будут участвовать в наступлении, их численность, их планы... В общем, я намерен узнать все о планах русских.

— А вы знаете и места, где русские попытаются переправиться на наш берег? — поинтересовался фон Верхафен.

— Да, я, в общем, представляю, где это может случиться, — ответил капитан. — Так что сегодня ночью я вступлю со своим русским противником в тонкую игру двух разведок. И я уверен, что победителями в этой игре станем именно мы.

— Что ж, хороший ответ, — похвалил Книппера командир корпуса. — Ответ, достойный немецкого офицера. Итак, еще раз выпьем за победу!

— Да, за победу, господин генерал! — ответил Ганс Книппер.

Теперь содержимое бокалов было выпито без остатка.

— Ну а теперь, с вашего позволения, я отправлюсь на берег реки Держи и сяду в засаду, — сказал Книппер, вставая.

Командующий корпусом молча кивнул.

ГЛАВА 2

Время близилось к полуночи, когда шестеро бойцов, словно тени, прокрались на болотистый берег реки Держи в районе брода. Сержант Воробьев, как знаток здешних мест, первым оказался на берегу, а затем первым скользнул в речную воду. Автомат, запас патронов, продуктовый паек — все это разведчики погрузили в лодку, которая должна была их сопровождать.

Вслед за сержантом в воду зашли его бойцы: Женя Пастухов, Костя Погорелов, Сергей Бесчастный и Петр Коржаков. Замыкал цепочку разведчиков капитан Шубин.

Самый внимательный наблюдатель не заметил бы головы разведчиков, которые едва высовывались из воды. И ефрейтор германской армии Клаус Вайнингер, которому начальник корпусной разведки капитан Книппер поручил встретить сегодня ночью русских «гостей», тоже не заметил отважную шестерку. Единственное, что он увидел — это лодку, которая, легко покачиваясь, пересекла реку. Пересекла, немного задержалась в непроходимых кустах у западного

берега, а затем, все так же покачиваясь на волнах, поплыла по направлению к ефрейтору и его солдатам. Ефрейтору Вайнингеру было невдомек, что лодка не просто так задержалась в кустах — разведчики успели ее разгрузить.

— Смотрите, господин капитан, — прошептал ефрейтор, обращаясь к своему начальнику разведки. — Вон их лодка плывет. Поймать ее?

— Да, Клаус, задержи эту лодку, — ответил капитан Книппер. — Может, русские забыли в ней какие-нибудь документы или еще что-то ценное...

Двое немецких солдат, вооружившись баграми, вошли в воду и зацепили плывущую по течению лодку. Капитан Шубин и его люди наблюдали за этой «охотой на лодку» из кустов, куда они к тому времени успели выбраться. Немцы были у разведчиков прямо на мушке, и ликвидировать их ничего бы не стоило. Но зачем? Перед разведчиками стояла прямо противоположная задача: проникнуть в тыл врага незаметно и неслышно, подобно мышам. А немцы, увлекшиеся ловлей лодки, сильно облегчили разведчикам эту задачу. Бойцы только посмеивались над незадачливыми охотниками: они знали, что в лодке немцы ничего не найдут, кроме двух упаковок своих собственных немецких сигарет. Шубин и его разведчики терпеть не могли этот табак и потому легко расстались с двумя упаковками — бу-

дет фрицам задачка, пусть гадают, почему и за-
чем сигареты оказались в лодке.

Спустя пять минут группа разведчиков была уже довольно далеко от реки. Конечно, развед-
чики были мокрые от ног до головы, но летом
мокрая одежда — беда небольшая. Главное, что
первая часть задачи была успешно выполнена:
они находились на западном, немецком берегу
Держи и теперь могли двигаться в нужном на-
правлении. Оставалось определить это направ-
ление.

Шубин остановил бойцов на опушке леса.
Накрылся плащ-палаткой так, чтобы ни один
луч света не прорвался наружу, после чего до-
стал карту и включил фонарик. Капитану не
нужно было долго разглядывать карту — он
успел выучить ее почти наизусть. Они находи-
лись на берегу Держи почти посередине меж-
ду населенными пунктами Карманово на юге
и Погорелое Городище на севере. Шубина инте-
ресовало и южное направление, и северное. Но
северное больше. Он помнил слова командира
дивизии: «Узнай, Шубин, все про укрепления
Погорелого Городища. Похоже, немцы имен-
но там решили нас остановить. А мы не долж-
ны там останавливаться! Понял?» Значит, ему
надо найти лазейки, которые позволят проник-
нуть в поселок, осмотреть его и вернуться в рас-
положение наших частей.

Вот Шубин и всматривался на карте в путаницу дорог и тропинок, зеленые пятна рощ, квадратики жилых построек. На карте эти места выглядели вполне безобидно. Например, можно попробовать, воспользовавшись ночной темнотой, проникнуть вот в эту рощу. Оттуда пробраться вот к этим сараям и, лежа за ними, изучить расположение немецких частей.

Однако Шубин воевал не первый год и знал, что только на карте окрестности Погорелого Городища выглядят так безобидно. А в реальности роща, куда Шубин собирался проникнуть, наверняка занята артиллерийской или минометной батареей противника. Сарай, за которыми он хотел залечь, стали частью узла обороны. И вообще, чем больше Шубин всматривался в карту, тем больше убеждался, что поселок, куда ему нужно попасть, стоит среди полей и удобных подходов к нему нет.

— Что ж, если нет удобных подходов, значит, придется пользоваться неудобными, — пробормотал Шубин себе под нос. После чего убрал карту, выключил фонарик и свернул плащ-палатку.

— Идем на север, — тихо сказал он бойцам. — Идем вдоль реки, по дороге осматриваем немецкие укрепления. А как дойдем до Городища, там решим, что дальше делать.

И шестеро разведчиков растворились в ночи.

Утро застало их далеко от места переправы. За ночные часы разведчики обошли не меньше четырех немецких опорных пунктов, сооруженных вдоль Держи. Под утро они наткнулись на расположение какой-то крупной немецкой части. Здесь было бы удобно взять «языка» — он мог рассказать и о своей части, и о соседях. И Шубин знал, где удобнее всего брать такого «языка» — конечно же, возле солдатского нужника. Все немецкие части, располагавшиеся в полевых условиях, выставляли ближе к лесу эти деревянные будки, в которых солдаты справляли свою нужду. И всех-то дел было: сесть в засаду возле такой будочки, дожидаться, когда какой-нибудь рядовой или ефрейтор засядет над очком — и бери его, голубчика, он даже сопротивления не окажет.

Однако здесь, на берегах Держи, дело обстояло иначе. Разведчики обошли кругом все расположение части — и не обнаружили ни одного нужника. Негде было устраивать засаду.

Шубин не знал, что новая диспозиция армейских нужников принята во всем 46-м немецком танковом корпусе. Это было сделано не так давно, по предложению начальника разведки корпуса капитана Ганса Книппера. Капитан изучил случаи внезапного исчезновения сол-

дат вермахта и пришел к заключению, что русские разведчики захватывают пленных как раз в этих местах. По его настоянию нужники теперь ставились не возле леса, а ближе к казармам. «Вони, конечно, будет больше, — заключил автор этого нововведения, — зато солдат сохраним».

Однако хотя Шубин и убедился, что легкой добычи ему здесь не получить, он не спешил покинуть расположение немецкой части. Ведь не только возле нужников можно брать пленных! Их также можно брать на дорогах между населенными пунктами. Особенно если перерезать телефонные провода, ведущие из одной части в другую часть. Во-первых, немцы обязательно пошлют связистов восстанавливать поврежденную линию связи. И эти связисты могут стать добычей разведчиков. А во-вторых, если нужно что-то срочно передать, немцы ждать не станут, а пошлют мотоциклиста с доставкой.

Поэтому в течение следующего часа солдаты Шубина занимались тем, что находили и перерезали телефонные провода. А затем они вышли к дороге, шедшей из части на север, и в самой узкой части этой дороги устроили засаду.

Потекли часы ожидания. Пару раз по дороге проезжали целые колонны грузовиков — явно не та рыбешка, на которую могли рассчитывать

разведчики. Но вот наконец вдали послышался треск мотоциклетного мотора.

— Давай, Пастухов! — скомандовал Шубин своему бойцу.

Тот с мотком проволоки в руках перебежал дорогу и быстро закрепил ее на другой стороне трассы. Еще один конец проволоки был заранее закреплен на той стороне, где скрывались разведчики.

Вот треск мотора послышался ближе... еще ближе... И вот сам немецкий мотоцикл с коляской вылетел из-за поворота и стал стремительно приближаться. «С коляской! — мысленно воскликнул Шубин. — Значит, на мотоцикле не только рядовой, но и офицер! Вот удача!»

Мотоцикл поравнялся с разведчиками, и тут его плавное движение было нарушено: наткнувшись на проволоку, машина подпрыгнула и перевернулась. Водитель полетел при этом в одну сторону, офицер, сидевший в коляске, — в другую. Не успели они упасть на землю, как на них навалились разведчики. И спустя минуту двое врагов, крепко связанные, уже лежали в стороне от дороги. Не был забыт и мотоцикл. Сержант Воробьев с помощью Жени Пастухова, отличавшегося богатырским сложением, поставили машину на колеса и живо откатили ее туда, где находились и бывшие хозяева мотоцикла.

Теперь следовало быстро провести допрос и определить судьбу пленных. Судьба эта, как правило, была незавидной: разведгруппа, действующая в глубоком тылу противника, передвигающаяся скрытно и при этом быстро, не могла тащить с собой пленных, которые в любой момент могли криком выдать группу противнику. К себе в тыл старались доставить «крупную добычу» — офицеров, располагавших важными сведениями. Остальные враги, как правило, уничтожались.

Первым делом Шубин достал из карманов захваченных врагов их документы. Уже они могли многое рассказать. И документы не подвели: Шубин выяснил, что пленные входят в состав 26-й танковой дивизии вермахта. Один был рядовой Ганс Мюллер, другой — обер-лейтенант Фридрих Браун. Теперь было необходимо выяснить, зачем Мюллер и Браун так спешили в Погорелое Городище.

— Ну, герр Браун, скажи мне, друг, зачем тебя послали в Погорелое Городище? — спросил Шубин у офицера.

Ответом ему было презрительное молчание.

— Так, не хочешь, значит, говорить? — злобещим тоном протянул капитан. — Значит, придется применить специальные средства. А ну-ка, ребята, разденьте этих орлов. Хочу посмотреть, какого цвета у них нижнее белье.

Белье немцев Шубина интересовало меньше, чем прошлогодний снег. Но он знал, что раздетый враг чувствует себя менее уверенно. К тому же он заметил, что у него с обер-лейтенантом примерно одинаковый размер одежды. И у Шубина возник дерзкий замысел...

— Вот, без одежды им гораздо лучше, — кивнул Шубин, глядя на пленных. — Теперь ты, Воробьев, стереги герра офицера, а мы с Пастуховым отойдем в сторону, поговорим с рядовым Мюллером.

Такая тактика — допрашивать пленных порознь — также относилась к основам науки разведчика. Офицер при рядовом постарается не уронить честь мундира и до последнего будет молчать. Ну, и рядовой будет помалкивать в присутствии начальства. Порознь — другое дело.

Шубин и Пастухов отвели рядового Мюллера немного в сторону от основной группы. После чего Пастухов, который отличался не только богатырским сложением, но и довольно устрашающей внешностью, достал из ножен кинжал и поднес его к самому носу пленного.

— Ну, Ганс, скажи мне, зачем вы ехали в Погорелое Городище? — повторил Шубин свой вопрос. — И думай, когда будешь отвечать, иначе это будут последние слова, которые ты скажешь в своей жизни...

— Я скажу, скажу! — заторопился рядовой. — Я, правда, не все знаю. Нас послал командир дивизии полковник Клюге, чтобы установить взаимодействие с частями, которые обороняют поселок. Командование считает, что именно на этот поселок обрушится мощь русского наступления. Вот, больше я ничего не знаю! Больше знает обер-лейтенант!

— Быть того не может, чтобы ты больше ничего не знал, — уверенно заявил Шубин. — Как, ты сказал, зовут командира дивизии?

— Полковник Эрих Клюге!

— Вот видишь, а говорил, больше ничего не знаешь. Значит, вас послал сам командир дивизии Клюге? Но ведь дивизия состоит из полков, батальонов. Вот ты лично в состав какого полка и батальонаходишь?

— В танковой дивизии вермахта нет полков. Мы с господином обер-лейтенантом служим в составе 4-го отдельного батальона.

— Кто им командует?

— Майор Герман Фишер. А обер-лейтенант Браун является заместителем командира.

— Ага, то есть ты вез в Погорелое Городище заместителя командира батальона! Интересно, интересно. Теперь скажи: вашей части хватает боеприпасов?

— Пока хватает. Но я слышал разговор офицеров. Они жаловались, что необходимого запа-

са снарядов не создано, да и бензина для танков мало. И если запасы не пополнятся, то скоро не будет возможности воевать.

— Вот теперь, пожалуй, настало время распросить и господина офицера, — решил Шубин.

После чего он оставил рядового Мюллера на попечение Пастухова, а сам вернулся к тому месту, где оставался захваченный обер-лейтенант. Его допрос повторился по той же схеме. Только Фридрих Браун отнекивался чуть больше, чем рядовой. Но в конечном счете сообщил то, что хотелось узнать Шубину: что в Погорелом Городище он должен встретиться с командиром 161-й пехотной дивизии, расположенной в поселке, и договориться о взаимодействии в условиях начавшегося русского наступления. Танкисты опасались (и правильно делали), что с началом наступления телефонные провода будут перерезаны и надеяться можно только на сигнальные ракеты, которыми каждая из сторон будет извещать о своем положении.

— Как зовут командира пехотной дивизии? — спросил Шубин.

— Дивизией командует генерал Вальтер фон Сольц. Он очень опытный военный.

— Кого еще из офицеров пехотной дивизии ты знаешь?

— Больше никого.

— А кому подчиняется генерал Сольц? Ведь не самому же начальнику армии?

— Нет, командир 161-й дивизии, как и мы, подчиняется командующему 46-м танковым корпусом генералу фон Верхафену.

— Скажи еще такую вещь. Ведь в Городище должно быть много артиллерии. Может, ты знаешь кого-то из офицеров артиллерийских частей?

Было заметно, что на этот вопрос обер-лейтенанту отвечать не хотелось. Но Шубин и особенно Пастухов выглядели столь устрашающе... И в конечном счете Браун произнес:

— Да, у меня есть знакомый в составе 56-й бригады тяжелых гаубиц. Это капитан Франц Зиммель. Мы познакомились в госпитале, где проходили лечение. Наши койки стояли рядом...

— А еще кто-то тебя знает в Городище, помимо капитана Зиммеля?

— Нет, больше никто не знает, — ответил Браун.

— Это хорошо... — медленно произнес Шубин. — Хорошо, что тебя в Городище больше никто не знает...

Капитан сознавал, что выполнил значительную часть задания, поставленного перед ним полковником Городовиковым. Он установил, какая вражеская часть противостоит нашим

войскам в Погорелом Городище, кто командует этой частью, какие танковые подразделения готовы прийти им на помощь в случае нужды. Установил и дислокацию немецких опорных пунктов на реке Держе. Однако Шубин не собирался возвращаться к своим с этими скудными сведениями. Чем дольше длился допрос обер-лейтенанта Брауна, тем прочнее в голове Шубина складывался дерзкий план. Дерзкий, но вполне осуществимый! Он еще раз взглянул на обер-лейтенанта, на его мундир, валявшийся на траве, потом прикинул, кто из его бойцов мог бы сыграть роль водителя мотоцикла... Наконец, план проведения глубокой разведки окончательно сложился у него в голове. Он еще раз оглядел своих бойцов.

— Костя! — позвал он Погорелова. — Ну-ка, надень форму этого водителя. Надо посмотреть, как она на тебе сидит.

Пока Костя Погорелов надевал форму рядового Мюллера, сам Шубин быстро облачился в китель обер-лейтенанта Брауна. Облачился — и остался доволен. Форма сидела на нем, будто сшитая на заказ. Погорелов выглядел не столь блестяще, как его командир, форма была ему мала, но ведь рядовой водитель и не должен выглядеть как офицер.

— Ты хоть два слова по-немецки знаешь? — спросил у Погорелова Шубин.

— Как раз два слова и знаю, — ответил Константин. — Одно «яволь», другое «хенде хох». Да, еще могу сказать: «Гитлер капут».

— Ну, «яволь» тебе, может, и пригодится, а остальное лучше забыть, — решил капитан. — И вообще, тебе при выполнении операции лучше помалкивать. Так что я буду говорить за двоих. Я это серьезно говорю. Когда введем в Городище, ты закрываешь рот на замок и не открываешь. Если я отдаю тебе какую-то команду, а рядом находятся немцы, отвечаешь «яволь». Понял?

— Так точно!

Шубин повернулся к сержанту.

— Значит, так, Воробьев, — сказал он. — Пусть кто-то из бойцов останется здесь — будет беречь нашу форму. А то пропадет форма — так мне и придется до конца войны в этом сером мундирчике ходить. А ты с оставшимися в твоём распоряжении двумя бойцами берешь двоих фрицев и ведешь их к Держе, к тому месту, где мы переправились. Там перетаскиваете их на наш берег, сдаете кому-нибудь из наших разведчиков — и сразу назад. Назад — то есть сюда, где мы сейчас находимся. Здесь у нас точка встречи. Да, вот еще что: если кто-то из пленных попробует не то чтобы крикнуть, а хотя бы рот открыть, ты знаешь, как действовать. Ну, я им сейчас это дело тоже объясню.

Он повернулся к пленным и угрожающе произнес:

— Сейчас вас доставят в распоряжение советских войск. Если переброска пройдет нормально, война для вас закончится. Но если кто-то захочет геройствовать, подать своим какой-то сигнал, то сразу же умрет. Я не допущу, чтобы кто-то из моих бойцов пострадал из-за вас. Поняли?

Пленные дружно кивнули. Шубин и Погорелов направились к мотоциклу. Сержант Воробьев пошел их проводить.

— А вы что же, прямо в Городище отправитесь? — с восхищением спросил он. — Прямо к волку в пасть?

— А почему бы и нет? — ответил Шубин. — Так мы получим сведения, которые другим путем никогда бы не добыли. Да, и имей в виду, Воробьев: на этом наш рейд не заканчивается. Нам еще нужно будет разведать южное направление, на Сычевку. Так что об отдыхе пока не мечтай. Ну, все, за дело!

Костя Погорелов осмотрел немецкий мотоцикл. Падение на полной скорости не привело к значительным поломкам, только переднее крыло немного помялось. Погорелов нажал на стартер, и мотор завелся. Можно было ехать. Шубин сел в коляску, оправил китель и махнул рукой — давай, мол, вперед! Они выехали на дорогу и покатали в сторону Городища.

По дороге капитан обдумывал свое поведение в главном пункте немецкой обороны. Выполнять задание командира танкистов полковника Клюге он не собирался. Что это ему даст? Ну, договорится он с кем-то из заместителей командира дивизии, сколько ракет и какого цвета должны выпускать пехотинцы в случае наступления русских. И зачем ему это? Такой разговор будет происходить скорее всего в штабе дивизии. Договорятся — и можно ехать назад. Нет, так ничего не узнаешь. Он едет в Погорелое Городище совсем с другим заданием! Командование немецкой 9-й армии решило немедленно перебросить 26-ю танковую дивизию в Городище, чтобы поддержать пехотинцев. И он, оберлейтенант Браун, должен договориться с командиром 161-й армии, где разместятся танки и где будут жить танкисты. Такое задание даст ему возможность свободно ходить по поселку, осматривать узлы обороны, интересоваться минными полями... «Только бы на 56-ю бригаду гаубиц не наткнуться, — подумал Шубин. — А то капитан Зиммель может удивиться тому, как изменился его знакомый Браун. Ну а больше опасностей я не вижу».

Они ехали уже около часа. И вот впереди показались дома Погорелого Городища. На въезде в поселок, как и полагалось, имелся пропускной пункт. Въезд в поселок был густо опу-

тан колючей проволокой, и дорогу преграждали проволочные ворота. Из будки вышел часовой, и Шубин поманил его к себе.

— Открывай быстрее, рядовой, — надменно произнес «обер-лейтенант». — У меня послание к генералу Сольцу.

— А откуда вы взялись? — недоверчиво спросил часовой.

— Мы танкисты 26-й дивизии.

— Но из штаба вашей дивизии никто не звонил, — продолжал упорствовать часовой. — Нас не предупредили...

— Конечно, не предупредили, — усмехнулся Шубин. — Где-то здесь шастают русские разведчики. Все телефонные провода перерезаны.

И, резко сменив тон разговора, он заорал на часового:

— Открывай скорее! Я должен говорить с генералом, а вместо этого беседую с таким олухом, как ты! Или мне вернуться в часть и приехать сюда на своем танке? Тогда ты, наверное, по-другому заговоришь?!

Часовой больше не смел возражать. Он махнул рукой, из будки выскочил еще один фриц, и вдвоем они откатали створку ворот. Костя Погорелов поддал газу, и мотоцикл въехал в поселок. Когда они проехали первые дома, Костя вопросительно взглянул на своего командира: куда дальше? Этого Шубин и сам не знал. С од-

ной стороны, ему хотелось походить взад и вперед по поселку и осмотреть его. Но пока он не представился командиру дивизии, этого было нельзя делать. Такое поведение могло вызвать подозрения. «Нет, надо ехать в штаб, представляться, — подумал капитан. — А дальше посмотрим». Он сделал знак Косте, чтобы тот наклонился ближе, и, когда тот склонился к нему, громко произнес:

— Поезжай в центр, к зданию штаба. Но не спеши.

Выполняя приказ своего командира, Погорелов повел мотоцикл вверх, на пригорок. Перед ними открылась главная улица поселка. И Шубин увидел, что улицы в привычном понимании больше нет. Заборы вокруг домов исчезли. Теперь между домами располагались огневые точки; из каждой амбразуры торчало дуло пулемета или небольшого орудия. А в домах практически исчезли окна. Все они были заложены камнем, кусками бетона. Фактически весь поселок превратился в единый опорный пункт. И это еще не все, что узнал Шубин, многое ему еще предстояло узнать.

Они въехали в центр поселка, и впереди показалось здание, над которым развевался нацистский флаг со свастикой. Шубин, ничего не говоря, показал водителю рукой — сюда. А затем велел поставить мотоцикл не прямо возле крыльца, у всех на виду, а за углом дома.

— Жди здесь! — бросил он на прощание.

— Яволь, герр лейтенант! — отчеканил Погорелов.

Шубин молодцевато взбежал на крыльцо. Когда он уже собирался открыть дверь, она сама открылась, и из штаба вышел худой и длинный, как жердь, капитан с нашивками артиллериста. Он внимательно взглянул на разведчика, как будто даже хотел что-то у него спросить, но передумал и ушел. А Шубин открыл дверь и ступил в прихожую. Здесь его встретил часовой.

— Обер-лейтенант Браун из 26-й танковой дивизии! — сообщил ему разведчик. — Послан к господину генералу с личным поручением командира дивизии.

— Сейчас я о вас сообщу, — сухо сказал часовой и скрылся за дверью. Прошло несколько минут, часовой вернулся и открыл перед разведчиком дверь, предлагая войти.

Шубин вошел и оказался в просторной комнате, которую ярко освещали развешанные повсюду керосиновые лампы. Посреди комнаты стоял огромный стол, на котором была разложена подробная карта местности. С первого взгляда Шубин определил, что это даже не километровка, а пятисотметровка — очень подробная карта местности, на которой можно было отразить каждый овражек, даже каждый окоп.

Возле стола стояли несколько человек. Шубин не очень хорошо разбирался в знаках различия высших немецких офицеров, поэтому он глядел сейчас не на погоны, а на лица. И по выражению лиц безошибочно определил главного в этой комнате.

— Ваше превосходительство, позвольте представиться! Обер-лейтенант Браун из 26-й танковой дивизии! — отрапортовал он, обращаясь к высокому старику с умным и усталым лицом. — Мы в дивизии получили приказ командующего корпусом генерала фон Верхафена срочно выдвинуться в район Погорелого Городища, чтобы усилить оборону поселка.

— Слава богу! — с чувством произнес командир дивизии. — Мы только сейчас обсуждали эту проблему — нам не хватает танков. Вы с вашим сообщением как нельзя вовремя! И где же ваши танки? Когда они подойдут?

— В настоящий момент наша часть находится в месте своей постоянной дислокации, — стал объяснять Шубин. — В тридцати двух километрах на юго-западе, в стороне Сычевки. Командир дивизии приказал мне осмотреть местность в Погорелом Городище и определить будущую позицию наших танкистов. Как только мне покажут участок, где мы должны стоять, укажут сектор обстрела, я тотчас выеду назад в часть, и мы тронемся в путь. Думаю, что к вечеру мы будем уже здесь.

— Но почему непременно нужно ехать самому? — удивился генерал. — Можно ведь позвонить...

— К сожалению, ваше превосходительство, телефонная связь не действует, — объяснил разведчик. — По всей видимости, провода перерезали русские. Итак, я могу осмотреть местность и выбрать будущую позицию для танков?

— Разумеется, можете, — кивнул фон Сольц. — Сейчас я вам дам в провожатые одного из моих помощников... Пожалуй...

— Позвольте мне выполнить роль провожатого для наших друзей-танкистов, — послышался глуховатый голос из угла комнаты.

Взглянув в ту сторону, Шубин увидел молодого человека, пожалуй, своего ровесника, в мундире с капитанскими погонами. Говоривший вышел к столу, и Шубин смог лучше его разглядеть. Капитан был белобрыс и не только молод, но и подтянут, а еще гибок, словно рысь или тигр.

— Вы сами хотите быть сопровождающим, Ганс? — удивился генерал. — При ваших многочисленных обязанностях... Впрочем, вам виднее. Генерал повернулся к Шубину.

— Вот ваш проводник, — сказал он. — Начальник нашей корпусной разведки капитан Ганс Книппер отлично знает Погорелое Городище и может ответить на любой вопрос. Когда

выберете позицию, сюда, в штаб, можете не возвращаться. Сразу поезжайте к себе и начинайте передислокацию. К вечеру я вас жду!

— Хайль Гитлер, господин генерал! — воскликнул Шубин, выбрасывая руку в нацистском приветствии. После чего направился навстречу своему проводнику и коллеге. Шубин пребывал в огромном напряжении. Для его выдумки наступил критический момент. Сам начальник разведки корпуса! Ему известны подробности о расположении и составе всех частей 9-й армии, которых он, Шубин, конечно, не знает. Он может проколоться в любую минуту! Может, лучше уложить этого капитана сразу, как они выйдут из штаба, а потом делать ноги из поселка? Но даже если удастся вырваться, не много же информации он привезет полковнику Городовикову!

Шубин чувствовал, что находится на грани провала, и не знал, что ему делать.

Между тем капитан Книппер подошел к нему, пожал руку и произнес:

— Что, идемте? Приступим к делу?

— Да, капитан, — ответил Шубин. — Приступим. Вы же слышали, что сказал его превосходительство: он ждет наши танки еще до вечера. Так что мне нужно действовать быстро!

Они вышли из штаба. Пока Шубин находился в помещении, небо заволокло тучами, явно собирался дождь.

— Вот и еще одна причина спешить, — сказал Шубин, указывая на небо. — Вы же знаете, какие здесь дороги. Если польет серьезно, танки будут еле ползти.

— Хорошо, давайте выбирать позицию, — деловито произнес Книппер. — Я знаю, что никем не занят участок, который находится к юго-западу от штаба, как раз по дороге на Сычевку. И для вас он удобен — ехать меньше...

Но Шубин покачал головой:

— Нам надо исходить из других соображений. Участок по дороге на Сычевку загорожен от реки холмом, на котором мы сейчас стоим. Конечно, он скрывает наши танки от врага. Но если русские двинут в наступление свои танки, мы должны будем сдерживать их натиск огнем своих орудий. А какой огонь можно вести из-за холма? У нас ведь не гаубицы!

— Да, вы правы, — кивнул капитан. — Кстати, у нас есть гаубицы, и они стоят как раз по ту сторону от холма — только не по дороге на Сычевку, а к северу. Да, как раз перед вашим появлением в штаб заходил один из артиллеристов, капитан Зиммель. Очень толковый офицер! Вы его, случайно, не знаете?

— Представьте себе, знаю, господин капитан! — с радостью ответил «обер-лейтенант». — Мы с Францем Зиммелем лежали в одном госпитале после ранения. Да, мы лежали в го-

спитале в Вязьме. Так он здесь? Буду рад его увидеть!

А сам Шубин между тем думал: «Как же мне повезло, что этот Зиммель успел уйти из штаба! Вот была бы картина, если бы я стал представляться при нем...»

— Вы сказали генералу Сольцу, что связь между вашей частью и нами прервана. А во сколько были перерезаны провода, не скажете? — продолжал расспрашивать Книппер.

— Я не говорил, что провода были обрезаны, господин капитан, — ответил Шубин. — Этого я не знаю. Может быть, столбы были повалены или еще что. Но в десять часов, когда мы выехали из части, связь уже не работала.

— Значит, это случилось около десяти... — протянул Книппер. — Ладно, продолжим разговор о делах. Значит, вам нужен участок, обращенный к реке... Что ж, пойдемте посмотрим... А скажите, Браун, где вы успели послужить до того, как попали в Россию? Или нигде не успели? И кстати, напомните, как вас зовут?

— Меня зовут Фридрих, господин капитан, — ответил Шубин. — И я таки успел повоевать еще до июня прошлого года, до вторжения в Россию. Я участвовал в наступлении на Варшаву в 39-м, а когда мы раздавили ничтожных полячишек, нашу часть перебросили на границу с Бельгией. Ну, вы сами знаете, что было по-

том... Мы прошли через эту Бельгию, как нож через масло, а потом обрушились на лягушатников. Правда, мне не удалось погулять по Парижу, о чем я мечтал, — нашу часть бросили против англичан.

— Да, но против англичан, насколько я знаю, вы сражались не слишком удачно, — усмехнулся Книппер. — Почти всем удалось переправиться через Ла-Манш на свой остров...

— Да, англичане, к сожалению, от нас ускользнули, — согласился «обер-лейтенант». — Но все их танки достались нам. Хотя эти английские танки — сущее дерьмо... В общем, я воевал во Франции. А уже оттуда нас направили снова в Польшу — готовиться к броске на восток... Ага, вот я вижу подходящий участок для размещения наших боевых машин — вон там, справа. Могу я его осмотреть?

— Осмотреть участок, конечно, можно, — усмехнулся Книппер, — но этот осмотр вам ничего не даст. Это только отсюда кажется, что там зеленый луг. На самом деле там полно ручьев, место сильно заболочено. В этих местах даже пехота сразу застрянет. А уж танки уйдут в болото до самых башен. Поэтому мы это место и не использовали. Наши саперы еще по краям болота установили два ряда мин, так что, если русские попробуют обойти болото, они непременно попадут на мины. Так что это место я вам не

посоветую. Знаете что? Вы можете расположить свои танки прямо напротив штаба — вот здесь, в этом квартале под холмом. Там пока никто не расположился. Единственное, что плохо — нет места, где ваши танкисты могли бы расквартироваться...

— Что значит могли бы расквартироваться? — удивился Шубин. — Вон сколько домов в поселке. Неужели нет ни одного свободного? И как можно расположить танки в жилом квартале?

— Я вижу, вы, Вернер, совсем не понимаете нашу ситуацию, — принялся объяснять Книппер.

Однако Шубин его перебил:

— Прошу прощения, господин капитан, но меня зовут не Вернер, а Фридрих. А в остальном я вас внимательно слушаю.

Он, конечно, понимал смысл того, что только что произошло. Книппер, как профессиональный разведчик, проверял приехавшего офицера, которого в Городище никто не знал, на соответствие его личности. Он ожидал и других подобных «оговорок» — например, о его участии в польской и французской кампаниях, о жизни до начала войны. Такие люди, как Книппер, умели в ходе дружеской, непринужденной беседы дважды и даже трижды проверить сведения, которые новый человек о себе самом сообщал.

— О, это я должен просить прощения! — воскликнул капитан. — Я вдруг запомнил ваше имя. Обещаю: больше подобное не повторится. Так вот, насчет жилья. Да, в поселке много домов. Но ни один из них не используется под жилье. Фактически эти сооружения уже не являются домами. В большинстве своем это огневые точки. В некоторых стоят противотанковые орудия, в других — минометы. Все подступы к домам заминированы. Везде на чердаках стоят пулеметы. Это не поселок, а один сплошной опорный пункт. Так вот, вон в том квартале внизу есть два десятка домов, которые пока никем не заняты. Вот там вы и сможете расположить ваши танки. Танк проламывает одну из боковых стен и располагается в доме. А когда нужно идти в атаку, таким же образом выходит.

— В таком случае — где же живут солдаты и офицеры? — удивился Шубин. — Ведь они не ночуют прямо на огневых позициях, я надеюсь?

— Разумеется, нет! Вся земля в поселке изрыта траншеями, блиндажами, новыми траншеями. Кое-где эти сооружения идут даже в два этажа. Вот там у нас место для живой силы. Там наши люди живут, там же и питаются. Кстати, о питании, ведь вы, как я понимаю, сегодня остались без обеда? Пойдемте, я провожу вас в офицерскую столовую. В ней вы сможете познакомиться с вашими коллегами-танкистами...

— Большое спасибо, господин капитан, — ответил Шубин. — Но я очень спешу. К тому же...

И он указал на небо. Дождь наконец собрался с силами и теперь лил не переставая.

— Мне пора ехать, — заявил Шубин. — Очень признателен вам, господин капитан, за то, что помогли с выбором места, предостерегли от ошибок. Я не прощаюсь — мы уже сегодня будем здесь с нашими танками. Покажем русским силу немецкого оружия!

— Я надеюсь, что мы их быстро отбросим назад за реку, — заявил Книппер. — И тогда наш 46-й корпус, а с ним еще несколько частей смогут отправиться на другой, более интересный театр военных действий.

— Вот как? — заинтересовался Шубин. Это было что-то новенькое. Ради такой информации стоило еще задержаться в поселке. — Значит, нас собираются куда-то перебросить?

— Да, значительная часть армии из-под Ржева должна отправиться на юг, чтобы участвовать в наступлении на Сталинград и Кавказ.

— Потрясающая перспектива! — воскликнул Шубин. — Кавказ! Там наши танки смогут развернуться, не то что в здешних болотах. И потом, говорят, на Кавказе очень красиво...

— Да, мне говорили знакомые офицеры, что Кавказ чем-то похож на Альпы, — подтвердил Книппер.